
ИЗЪ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.

Слово на день Празднованія Покрова Пресвятой Богородицы ¹⁾.

Нынѣ насталь, братіе, радостный праздникъ Пресвятой Богородицы, усугубляемый свѣтлымъ торжествомъ въ нашей родной Академіи. Если въ день праздника и особаго чествованія учителя и наставника прилично ожидать отъ него наставленія, выслушать слово назиданія, то конечно и намъ, питомцамъ Академіи, постоянно слушающимъ ея наученія, въ особенности слѣдуетъ сегодня, въ день ея тезоименитства, прислушаться къ тому уроку, который даетъ она намъ нынѣ. Урокъ этотъ заключенъ не въ книгѣ и не въ лекціи—онъ дается намъ самымъ смысломъ нынѣшняго церковнаго празднованія и дается не затѣмъ, чтобы мы узнали новыя свѣдѣнія по тѣмъ или другимъ вопросамъ богословія, а затѣмъ, чтобы мы усвоили то цѣльное христіанское жизнеописаніе, которое опирается на евангеліе и расширяетъ и углубляетъ христіанскую истину въ нашемъ сознаніи.

Академія посвящена Имени Великой Матери свѣта и сегодня, въ день своего тезоименитства, она вводитъ насъ подъ священныя своды Ея храма, поставляетъ у подножія престола, посвященнаго Ея имени и призываетъ поклониться Ея Божественной Славѣ. Но поставляя насъ предъ Божественной славою Богоматери, она указываетъ намъ на Нее не тогда, когда Она, какъ великая царица неба, спокойно и крѣтко царитъ въ высочайшихъ небесахъ. Такое созерцаніе способно возбудить восторгъ въ благоговѣйныхъ сердцахъ и привести въ восхищеніе чистыя души. Но на сегодняшній

---

¹⁾ Произнесено въ Академическомъ храмѣ 1-го Октября 1912 года.

день она возводитъ нашъ взоръ къ другому видѣнію и показывается намъ иную славу Богоматери.

Св. Андрей, Христа ради юродивый, однажды, въ моментъ духовнаго восторга, видѣлъ небо и горнія селенія райскія. Но въ нихъ онъ не узрѣлъ Пресвятой Богородицы. Опечаленный этимъ, онъ услышалъ изъ устъ Ангела: „ты хочешь видѣть пресвѣтлую Царицу небесныхъ силъ, но теперь Ея нѣтъ здѣсь. Оставивъ горнюю славу, Она отошла въ многобѣдственный міръ помогать страждущему человѣчеству и утѣшать скорбныхъ“. И вотъ, тотъ же самый св. Андрей въ Церкви Влахернской видитъ Пресвятую Дѣву дѣйствительно сошедшею въ міръ, видитъ Ее въ молитвѣхъ и подвижѣхъ за вѣрныхъ Ей людей, видитъ, какъ Она усердно предстательствуетъ за нихъ и покрываетъ ихъ Своимъ омофоромъ.

Сюда-то, въ эту Церковь Влахернскую, на мѣсто молитвенныхъ подвиговъ Пр. Богородицы и приводимся мы сегодня.— Въ Церкви Влахернской особенно большое стеченіе молящихся. Храмъ наполненъ тѣсной толпой и самое богослуженіе совершается особенно проникновенно, съ особымъ необычнымъ подъемомъ и усердіемъ. Слышатся вздохи, слышится плачь, слышатся громкія молитвенныя воззванія. Надъ толпою повисла трепетная тревога и сердца всѣхъ сжимаются невольнымъ страхомъ за то неизвѣстное и опасное, что творится *тамъ*, за предѣлами храма. А тамъ шумъ и смятеніе, тамъ готовятся битвы: врагъ въ предѣлахъ имперіи и уже слышится, быть можетъ, отдаленный гулъ первыхъ сраженій. Въ тревогѣ и страхѣ вѣрующіе прибѣгаютъ во Влахернской церкви къ помощи Богоматери и она покрываетъ ихъ своимъ омофоромъ.

Это состояніе тревоги и вѣры—какъ оно знакомо и близко душѣ каждаго христіанина и въ особенности какъ близко оно нынѣ намъ. Наша общая руководительница—Академія—приводитъ насъ сегодня въ Церковь въ Влахернскую, гдѣ Богоматерь успокаиваетъ тревогу сердець, потому что видитъ, что и мы нуждаемся въ этомъ успокоеніи, такъ какъ подошли къ важной границѣ нашей жизни и готовимся переступить черезъ нее. Последніе годы, а для многихъ и послѣдніе мѣсяцы ученія... послѣднія улы школьной дружбы... и чье сердце не сжимается трепетной тревогой за то неизвѣстное, что будетъ *тамъ*, внѣ нашего общаго отчужденнаго дома!—А

тамъ волнуется и шумитъ мѣръ, тамъ происходитъ шумное общественное собраніе; общественная площадь полна пародомъ; каждый невольно или намѣренно толкаетъ сосѣда и изъ этихъ толчковъ создаются могучія общественныя теченія и ихъ волны беспорядочно несутся, сталкиваясь и перемѣшиваясь другъ съ другомъ. Тамъ развѣваются разноцвѣтныя знамена различныхъ общественныхъ группъ и партій, но среди этихъ знаменъ вы рѣдко лишь замѣтите знаменіе Креста. По срединѣ площади—высокая каеэдра, на которой гордо возсѣдаютъ, окруженные благоговѣйнымъ преклоненіемъ пророки и боги вѣка, признанные законодатели моды сегодняшняго дня, вожди толпы и повелители умовъ. Среди общаго шума и крика слышно, какъ каждый старается какъ можно громче прокричать имя своего вожака; но между этими выкриками мы напрасно ожидали бы услышать имя Иисусово. Если и произносятся его, то только тайно, лицомъ къ лицу и сердцемъ къ сердцу, не вынося на общественное торжище. Но тѣмъ громче, наоборотъ, звучатъ выкрики враговъ Христа и его церкви. Сарацины нынѣ опять ворвались во священную имперію—и уже доносятся варварскіе крики, уже слышны удары вражескихъ заступовъ; пытающихся подкопать фундаментъ нашей Влахернской церкви. И кто можетъ не смутиться духомъ, видя какъ проходятъ вражескіе полки, гордые въ своемъ боевомъ порядкѣ, при громкихъ звукахъ побѣдной музыки. И тревога еще болѣе овладѣваетъ духомъ. Неужели идти туда—въ эту сутолку и тѣсноту?

Какъ вступить въ эту шумную толпу, какъ сохранить *свое* направленіе среди этого постояннаго движенія, среди этой толкотни, въ которой внезапное, неизвѣстно откуда взявшееся движеніе, уноситъ тебя и ведетъ *аможетъ не хотети*?

Не безуміе-ли было бы надѣяться, что нашъ слабый толчекъ можетъ произвести хотя сколько-нибудь замѣтное движеніе и возбудить „теченіе встрѣчное, противъ течения?“ Наоборотъ, не скорѣй ли насъ самихъ затолкаетъ и завертитъ эта шумная движущаяся толпа,—скорѣе даже, чѣмъ мы успѣемъ собраться съ силами?—Есть ли, по крайней мѣрѣ, надежда на то, что, идя по пути жизни, мы неизмѣнно будемъ видѣть подъ ногами нашу вѣрную тропинку, будемъ идти съ постояннымъ утѣшительнымъ сознаніемъ правильности нашего прямого пути, и никогда не испытаемъ того

томительнаго и тревожнаго чувства, которое овладѣваетъ путникомъ, сбившимся въ темнотѣ съ дороги. Нѣтъ, и на это трудно надѣяться. Тропинка будетъ теряться и темнота будетъ сгущаться вокругъ насъ.

Каждый изъ васъ, братіе, въ минуты духовнаго просвѣтлѣнія вѣроятно пытался взять въ руки свѣточъ Христовой вѣры и освѣтить этимъ свѣтомъ окружающую мглу. И что же? Свѣтъ колебался и мигалъ въ вашихъ слабыхъ, дрожащихъ рукахъ, и только лишь въ рѣдкія минуты вы могли ярко и четко освѣтить вашъ путь, тогда какъ въ остальное время вокругъ васъ все было по прежнему смутно и сѣро, какъ въ туманныя осеннія сумерки? Кому незнакомо то чувство сердечной холодности и богооставленности, которое противъ воли овладѣваетъ душой, когда жизнь безжалостно разрушаетъ то свѣтлое и доброе чувство живой вѣры, которая затѣпливается иногда въ душѣ христіанина.

Среди житейской сумятицы чувствовать себя твердо идущимъ по опредѣленному направленію, высоко держать въ рукахъ своихъ свѣточъ Христовой истины для просвѣщенія многихъ, получать отъ благодати Св. Духа постоянную радость, непрестанно предвкушать сладость Небеснаго Царствія—увы, это не всегда возможно, да и это ли угодно въ очахъ Господа? Развѣ не въ смертныхъ мукахъ и великихъ слезахъ рождалось все истинно-великое и свѣтлое въ исторіи человѣчества? И развѣ то великое дѣло, отъ котораго получила свое начало Церковь и богословіе и та богословская наука, которой живетъ—а нынѣ и торжествуетъ академія,—развѣ это великое дѣло,—разумѣемъ подвигъ Господа Иисуса—развѣ оно совершилось не въ страданіяхъ? И развѣ роскошный цвѣтокъ христіанскаго богословія выросъ не на той землѣ, которая напоена была кровавымъ потомъ Геесиманскихъ страданій? И развѣ въ основаніи Академіи положены не тѣ камни, которые обогрѣны невинною Кровію на Голгоѣ?—Но да простится нынѣ это упоминаніе о той скорби, которая лежитъ въ основаніи нынѣшней радости. Пусть же веселится то чистое сердце человѣческое, которое въ единомъ непрерывномъ порывѣ ненасытимой огненной любви къ Спасителю отдается Ему все, безъ всякаго остатка, безъ малѣйшей надежды найти себѣ какую либо иную усладу, кромѣ услады этой всецѣлой любви къ возлюбившему насъ

Спасителю, съ готовностію даже снизойти и во адъ, еслибы Ему это оказалось угоднымъ.

Нѣтъ, не къ славѣ и силѣ, не къ красотѣ и счастью призываетъ насъ Пресвятая Богородица. Ей угодно нынѣ явиться предъ нами не въ величїи и неприступности Своей Божественной славы,—нынѣ Она оставляетъ небеса и снисходитъ въ мїръ, чтобы утѣшать страждущихъ. И этимъ она освящаетъ для насъ мїръ и жизнь. Пусть тревогой бьются сердца молящихся въ Церкви Влахернской, но только пусть тревога эта не переходитъ въ унылую безнадежность, въ трусливое презрѣніе къ своему призванію. Если мы вступимъ въ жизнь не съ тѣмъ, чтобы смѣло схватиться за ея кубокъ, а съ тѣмъ, чтобы смиренно принять ея чацу изъ руки Отца Небеснаго,—то конечно мы почувствуемъ, что она священна, полна тайнъ, глубины и непреходящаго значенія; она протекаетъ въ безконечномъ потокѣ жизни, исходящемъ отъ Источника жизни, Бога живыхъ, невѣдущаго зависти и создаваемаго не смерть, но жизнь. Въѣсть съ талантами, ввѣренными въ наше распоряженіе, налагается на насъ и долгъ жизни, долгъ передъ жизнью. Нужно отдать талантъ торгующимъ, нужно пустить его въ оборотъ, нужно умѣло вбросить его въ потокъ общечеловѣческой жизни, обязанности предъ которой налагаются на насъ одновременно съ рожденіемъ.

Должно жить! Должно жить и вѣрить, что среди сумятицы жизни неподвижно стоитъ тронъ Вѣчной Правды и свѣтлый плодъ Царствїя Божїя неизмѣнно возрастаетъ въ сумеркахъ настоящаго. „Сѣи, радость моя“,—сказалъ преподобный Серафимъ Саровскій,—„сѣи, всюду сѣи данную тебѣ пшеницу. Сѣи на благой землѣ, сѣи и на пескѣ, сѣи на камени, сѣи при пути, сѣи и въ терніи. Все гдѣ-нибудь да прозябнетъ и плодъ принесетъ хотя и не скоро“!..

А. Архангельскій.